
A 174/449

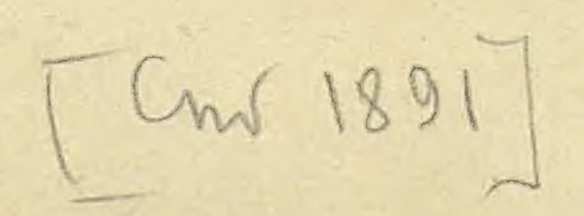
О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи [1].

I.

Перемѣна высшаго церковнаго управленія, происшедшая при Петрѣ Великомъ, была не столько личнымъ его дѣломъ, сколько, совершеннымъ, по разуму русскаго народа, выполненіемъ требованія историческаго хода и силы вещей: Петръ I-й только далъ опредѣленную форму и узаконилъ то, что существовало и до него въ жизни нашего отечества и уже готово было разрѣшиться тѣми или другими послѣдствіями для слѣдующихъ поколѣній; геніальный Государь только направилъ ходъ вещей въ данномъ направленіи.

Давно уже русской исторической наукой отмѣчено, что Всероссійскіе патріархи, поднявшись честію на ступень выше Всероссійскихъ митрополитовъ, спустились, по силѣ и обширности власти, на ступень ниже своихъ предшественниковъ. Для того, чтобы Всероссійскому патріарху сравняться съ патріархомъ Константинопольскимъ, не по чести только, потребовалось бы учредить и подъ нашимъ патріархомъ іерархическое устройство по греческому образцу. Этого-то на Руси и оказалось невозможнымъ достигнуть. Въ Греціи епархіи до

[1] Эта статья представляетъ такія любопытныя данныя по разсматриваемому предмету, что мы печатаемъ ее съ особеннымъ интересомъ, ибо самыя возраженія, могущія появиться по этому поводу, помогутъ только яснѣе освѣтить вопросъ такой государственной и народной важности. *Ред.*

того небольшія, что для епископа не нужны учрежденія, подобныя нашимъ консисторіямъ, духовнымъ правленіямъ и благочиннымъ; тамъ епископъ можетъ дѣлать все въ епархіи самолично, при помощи своего хартофилакса, архидіакона и вообще своихъ ближайшихъ довѣренныхъ клириковъ; со всѣми священниками въ приходахъ своего округа и со всею своею паствою онъ можетъ имѣть непосредственныя сношенія. Такая близость къ своей паствѣ у насъ, при обширности епархій, невозможна, и потому отъ начала Руси наше церковно-епархіальное устройство приняло другой видъ. Далѣе, надъ епископомъ въ Греціи стоитъ митрополитъ, епископъ главнаго города области, властвующій (не вездѣ) надъ епископами городовъ, находящихся въ зависимости отъ главнаго. Еще выше — власть патріарха, вѣдающаго своихъ митрополитовъ, а, по сложившимся историческимъ обстоятельствамъ, изъ четырехъ патріарховъ греческой церкви три поставлены въ такое отношеніе къ четвертому, что Вселенскій патріархъ можетъ быть приравниваемъ къ папѣ Римскому. Идея же папства столько же плѣнительна для воображенія, сколько и идея царя: она и предполагаетъ организацію монархическую, стройную, крѣпкую и сильную. Не папство, конечно, хотѣли завести у насъ, когда старались водворить на Руси порядки Византійскаго высшаго церковнаго управленія, а желали имѣть для церкви, какъ въ актахъ говорится, новаго Константина, Москву же хотѣли видѣть третьимъ Римомъ. Но эти стремленія, какъ порывы чувства, всегда разбивались требованіями разума и давленіемъ силы вещей. Извѣстны три попытки водворить въ Россіи византійскую законченность высшаго церковнаго управленія, но всѣ они оказались неуспѣшными. Первая изъ нихъ была при учрежденіи въ Россіи патріаршества, когда соборъ 1589 года постановилъ учредить подъ патріархомъ 4 митрополіи, 6 архіепископій и 8 епископій, примѣнительно къ незабытымъ еще тогда удѣльнымъ княженіямъ, великимъ и малымъ (С. Г. Гр. и дог. ч. 2 № 59 стр. 98). Вторая попытка принадлежитъ собору 1667 года, когда греческіе патріархи, съ одной стороны признавая самою дѣйствительною мѣрою къ искорененію раскола увеличеніе числа епархій и потому уменьшеніе ихъ территорій, а съ другой имѣя въ виду „яко да исполнится Великаго Государя Царя и в. князя Ѳеодора Іоанновича всея Россіи *повелѣніе* и великаго Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича... по Бозѣ ревностное *желаніе*“, поста-

новили, тоже примѣнительно къ бывшимъ удѣльнымъ княженіямъ и къ покореннымъ въ послѣ-удѣльное время царствамъ, набросить на Россійскую державу сѣть византійскаго церковнаго управленія: „повелѣваемъ, говорили патріархи, коемуждо митрополиту имѣти *подъ* собою епископы, по святымъ правиломъ, *ради конечнаго исполненія церковнаго*. А жити тѣмъ епископомъ коемуждо *подъ* своимъ архіереемъ... и творити все по благословенію и по повелѣнію своихъ имъ митрополитовъ, а безъ воли ихъ *ничесоже* творити, *кромѣ священнодѣйствія и хиротоніи*... Повелѣваемъ убо, да сія вся неподвижную, впредь будущія лѣта, имѣютъ твердость, и непозыблима пребываютъ“. (Дѣянія Моск. Соб. 1666 и 1667. М. 1881 г. ч. II, стр. 84—86). Извѣстные намъ источники не даютъ прямыхъ указаній на неисполненіе и на этотъ разъ распоряженій собора и повелѣнія царскаго о „конечномъ исполненіи церковномъ“. За то, при третьей попыткѣ завести на Руси византійское іерархическое устройство, прямо высказана была истинная причина неуспѣшности всѣхъ этихъ попытокъ. Когда царь Θеодоръ Алексѣевичъ далъ предложеніе собору 1681 года, „чтобы каждому митрополиту имѣти во своей епархіи епископовъ, *подвластныхъ имъ*, а святѣйшему патріарху, Отцемъ Отцу, имѣти многихъ епископовъ, *яко главѣ* и пастырю“; то Великому Государю „били челомъ митрополиты и архіепископы, чтобы Великій Государь милостивно къ архіерейскому чину разсмотрѣніе положилъ и вновь гдѣ, въ пристойнихъ мѣстѣхъ и въ дальнѣхъ городѣхъ и многонародныхъ, архіереовъ устроити, архіепископовъ или епископовъ, особыми ихъ епархіями, а *не подъ митрополиты быть подвластнымъ*, для того чтобъ въ архіерейскомъ чинѣ не было какого церковнаго *разгласія и межъ себя распри и высости*, и въ томъ несогласіи и въ нестроеніи святой *церкви преобидѣнія* и отъ народа молвы и укоризны“. (А. И. т. № 75. стр. 110, 111). Хотя о титулѣ патріарха „Отцемъ Отецъ“ и т. д. челобитчики ничего при этомъ не сказали; но извѣстно, что патріарху Никону русскіе іерархи ставили въ вину то, что онъ называлъ ихъ своими сынами и пытался обнаружить по отношенію къ нимъ власть отца. На увеличеніе числа епархій русскіе іерархи тоже были не очень податливы: епархію, напр., на Устюгѣ Великомъ велѣлъ открыть еще соборъ 1589 года, такое повелѣніе повторилъ и соборъ 1667 года, но только за третьимъ постановленіемъ соборнымъ, именно послѣ собора

1681 года, она была открыта; просуществовавъ около ста лѣтъ, эта епархія закрыта и всецѣло вошла въ составъ и въ то время обширнѣйшей Вологодской епархіи. Существуетъ, значитъ, нѣчто такое въ укладѣ жизни русскаго народа, что̀, помимо личныхъ желаній того или другаго властителя и даже собора властей, нудитъ этотъ народъ создавать строй жизни, требуемый особенностями его природы, зависящими отъ особенностей земли, на которой онъ сидитъ, и особенностями его славяно-русской породы.

Что не личныя и корыстныя побужденія подвинули челобитчиковъ собора 1681 года на дерзновеніе противиться волѣ царя и патріарха, это, какъ кажется, можно усмотрѣть и изъ того, что челобитье идетъ не отъ патріарха, епископовъ и всего освященнаго собора, а *только отъ митрополитовъ и архіепископовъ*, т. е., только отъ тѣхъ лицъ, которымъ, съ принятіемъ новаго порядка церковнаго управленія, предлагалась и власть, и честь. Что нельзя изъяснять такого противленія изъ боязни уменьшенія своихъ доходовъ и пошлинъ, это видно, во 1-хъ, изъ того, что содержаніе епископовъ въ новооткрытыя епархіи царь бралъ на счетъ свой казны: „а въ которыхъ градѣхъ быти епископомъ, и отъ чего имѣти доволство, и то предложено имянно“ при „предложеніи царскаго благоволенія“ (ibid. стр. 110), а, во 2-хъ, открытыя въ то время епархіи Устюжская и Холмогорская выдѣлены изъ областей митрополитовъ Ростовскаго и Новгородскаго, т. е. изъ епархій челобитчиковъ, которые, противясь новому порядку управленія, въ то же время сокращеніемъ своихъ пошлинъ поступались. Справедливѣе будетъ видѣть въ такомъ противленіи доблесть этихъ іерарховъ, дѣйствительную и разумную заботу ихъ единственно о благѣ церкви, по русскому православному понятію о ней, а не по тѣмъ представленіямъ, которыя проникли къ намъ съ учрежденіемъ патріаршества и сердечно воспріяты были не только самими русскими патріархами, особенно Никономъ, но и царями и, повидимому, главнымъ образомъ, царями. Личный характеръ Ѳеодора Іоанновича, Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича очень извѣстенъ: это люди чувства и воображенія. А такіе люди плѣняются внѣшностію предмета, а не его внутреннимъ содержаніемъ. Не въ этихъ вѣнценосцахъ сосредоточивался современный имъ разумъ русской земли и не они управляли силою вещей и ихъ теченіемъ;

они стояли только у русла этого теченія, то восхищаясь его стройностію, то приходя въ смущеніе и растерянность, когда оно принимало неожиданное, непонятное для нихъ направленіе; управляли этимъ теченіемъ думцы, т. е. люди мыслящіе, и иногда стоящіе къ кормилу правленія не близко. Въ данномъ случаѣ церковный вопросъ, поднятый еще Іоанномъ III и получившій при Іоаннѣ IV такое опредѣленное теченіе, что ни Годуновъ, ни Никонъ не въ силахъ были направить его разрѣшеніе въ другомъ направленіи, сталъ достояніемъ людей мыслящихъ допетровскаго времени настолько, что, при попыткѣ царя Ѳеодора Алексѣевича рѣшить его въ направленіи противномъ разуму народа, митрополиты и архіепископы, участвовавшіе въ соборѣ 1681 года, своимъ челобитьемъ разрушили воздвигавшіеся оплоты, преграждавшіе путь силѣ вещей и такимъ образомъ еще до воцаренія Петра Великаго сдѣлали то, чему онъ въ Духовномъ Регламентѣ только далъ опредѣленную, законную и вслѣдствіе этого обязательную форму. Потому, можетъ быть, уничтоженіе у насъ патріаршества и встрѣчено было народомъ сдержанно-спокойно, что въ строѣ церковной жизни епархіи не только не произошло существеннаго измѣненія, но власть и честь епископа еще была возвышена, и уничтожены были всѣ поводы къ „разгласію, распрямъ и высости“ среди архіерейскаго чина, о чемъ до Духовнаго Регламента много помышляли не только думцы свѣтскаго чина, но и думцы духовнаго чина. А потому реформа высшаго церковнаго управленія, совершившаяся при Петрѣ I-мъ, справедливо должна быть разсматриваема не какъ личное только его дѣло.

II.

Митрополитъ Евгеній, въ одномъ мѣстѣ своей Исторіи княжества Псковскаго, сдѣлалъ такое примѣчаніе: „Государь Петръ I, намѣреваясь учредить по новому регламенту Святѣйшій Сѵнодъ и всѣ россійскія епархіи, отложилъ пока степени ихъ, а хиротонисаніе митрополитовъ остановилъ вовсе“ (ч. III стр. 61). Если по мысли Петра Великаго русская церковь, не переставая быть православною, можетъ оставаться безъ единоличнаго управленія, безъ патріарха и даже безъ митрополитовъ, то невольно возникаетъ вопросъ: какой же обра-

зецъ этотъ преобразователь имѣлъ предъ собою, когда предпринялъ создать новое „положеніе" не только для высшаго въ Россіи церковнаго управленія, но и для каждой россійской епархіи? Высказывая въ 1-ой части Духовнаго Регламента о „винахъ" духовнаго коллегіума, какъ основной принципъ, что въ церкви „правительство *не монаршеское* есть" (стр. 10 по изд. 1866 г.), авторъ указываетъ на синедріонъ у евреевъ, ареопагъ въ Аѳинахъ „и иныя въ томъ же городѣ правительствующія собранія, нарицаемыя дикастеріа" (стр. 8). Хотя авторъ Духовнаго Регламента и не договариваетъ,— что̀, можетъ быть, не требовалось порядкомъ и цѣлью изложенія—до конца своей мысли; однако, его идеалъ церковнаго устройства виденъ. Это идеалъ первенствующей церкви Христовой, пока она еще не находилась въ союзѣ и подъ покровительствомъ государства, которое, какъ языческое, было ея врагомъ.

Митрополитъ Платонъ въ своей „Краткой церковной россійской исторіи", высказавшись догматически, что „Единый Пастыреначальникъ Христосъ *всѣхъ* церкви своея *епископовъ учредилъ* быть между собою *равными*, и повелѣлъ того только почитать большимъ и вящшимъ, который болѣе церкви Его *услугъ* окажетъ" (Т. II, стр. 95), дальше устанавливаетъ такой взглядъ на власть митрополитовъ и патріарховъ всея Россіи: „Патріаршеская власть ничего не пріобрѣла, кромѣ нѣкотораго наружнаго блеска и виднаго наименованія: ибо власть митрополитовъ всероссійскихъ *въ духовномъ правленіи* точно та же была, какая принадлежитъ и патріархамъ. Но могу сказать,— продолжаетъ далѣе митрополитъ Платонъ,—что сія власть митрополитовъ всероссійскихъ, отъ начала Владиміра до великаго князя Іоанна Васильевича, гораздо была большая и митрополиты были въ большемъ уваженіи, нежели наступившіе патріархи. Ибо, при раздѣленіи Россіи на многія удѣльныя княженія, владѣніе и великаго князя было очень не велико и ограниченно, а власть митрополита духовная простиралась на всѣ княженія россійскія. И при томъ какъ митрополиты всероссійскіе были по большей части избираемы и поставляемы константинопольскимъ патріархомъ и почти всѣ не изъ россіянъ, но изъ грековъ; а потому они и *не почитали себя* гражданскому россійскому правительству и *подданными*: то чрезъ все сіе ихъ власть была сильнѣе, нежели новая патріаршая, зависящая совсѣмъ отъ Государя" (ibid. стр. 100). Противъ

такихъ сужденій не только ничего нельзя сказать, такъ какъ они почти граничатъ съ описаніемъ историческихъ данныхъ, но еще должно усилить заключенія нашего перваго составителя исторіи русской церкви указаніемъ на дошедшую до насъ договорную грамоту между великимъ княземъ московскимъ и митрополитомъ всея Россіи Кипріаномъ, свидѣтельствующую, что изъ начала, при митрополитахъ изъ грековъ, вошло въ обычай для нихъ не только не считать себя русскими подданными, но и понимать себя какъ такихъ владыкъ или духовныхъ князей, которые находятся съ великимъ княземъ московскимъ въ такихъ же договорныхъ отношеніяхъ, какъ и великій князь Тверской, или Рязанскій, или Великій Новгородъ (А. Эк. т. I № 9). И когда Іоаннъ III, отставивъ отъ митрополіи Зосиму, новопоставляемому митрополиту Симону вручилъ—что̀ было не обычно—жезлъ въ церкви и сказалъ рѣчь, которую, по выраженію той же исторіи, „произнесъ не безъ намѣренія относительно къ его власти" (ibid. ч. I, стр. 347); то въ этомъ поступкѣ перваго русскаго самодержца можно видѣть конецъ договорныхъ къ нему отношеній митрополита всероссійскаго и, съ точки зрѣнія политической исторіи, такое же мирное присоединеніе удѣла этого духовнаго русскаго князя, какое совершено его сыномъ по отношенію къ Пскову и вообще практиковалось собирателями русской земли по отношенію къ слабымъ удѣльнымъ князьямъ: присоединяя удѣлъ извѣстнаго князя, они ему же и отдавали этотъ новый уѣздъ въ кормленіе. Не всѣ митрополиты, по личнымъ своимъ качествамъ, были достойны званія своего и не всѣ, несмотря на свои высокія достоинства, прямили душею самодержцамъ, пособляя удѣльнымъ князьямъ [1]). А потому вышеуказанный поступокъ Іоанна III, при возведеніи на митрополію Симона, нужно признать плодомъ предусмотрительной мудрости: онъ есть уничтоженіе пошлины, или договорнаго, вреднаго для сомодержавія, отношенія власти церковной къ государственной,—уничтоженіе принципа, но не факта, такъ какъ на практикѣ за представителями церкви оставались ихъ владѣнія.

---

[1]) Митрополитъ, напр., Геронтій при Іоаннѣ III, не раздававшемъ удѣловъ, а собиравшемъ землю, далъ въ удѣлъ князю Борису Васильевичу половину Ржевской своей десятины „да и десятинника своего свелъ" (А. Э. III № 109).

Нужно еще взять во вниманіе, что митрополитъ и патріархъ, даже епископъ и игуменъ въ древней Руси былъ не личностію только, а *представителемъ* цѣлой весьма многочисленной *группы лицъ*, интересы коихъ какъ духовные, такъ и матеріальные, неразрывно были связаны съ положеніемъ въ государствѣ всѣхъ видовъ церковной власти. И такъ какъ, по вышеприведенному объясненію митрополита Платона, объемъ и сила власти митрополитовъ и патріарховъ всероссійскихъ постепенно уменьшались, то у владычныхъ бояръ, дворянъ и боярскихъ дѣтей и вообще у множества властныхъ и не властныхъ лицъ, матеріальные интересы коихъ нарушались отъ такого уменьшенія, незамѣтно, можетъ быть, для нихъ самихъ, усиливалось чувство консерватизма, привязанности ко всякой пошлинѣ и старинѣ, хотя бы эта старина была удѣльно-вѣчевая. Въ этомъ, можетъ быть, и причина того, что съ учрежденіемъ патріаршества воскресаетъ и память о великихъ и удѣльныхъ княженіяхъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ — повторяется попытка къ тому же (1667 г.), а въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича появляется даже проектъ, совмѣстно съ предлагавшимся собору 1681 г. введеніемъ въ высшемъ церковномъ управленіи византійскихъ порядковъ, раздѣлить Россію и въ гражданскомъ отношеніи на участки, группирующіеся въ большія области съ гражданскою іерархіею чиновъ, каковой проектъ носитъ на себѣ слѣды греческаго вліянія, что видно изъ названія чиновъ: дикеофилаксъ, севастократоръ и т. п. (Изд. кн. М. А. Оболенскимъ въ 1850 г. М.). Консерватизмъ духовенства соединяется съ консерватизмомъ боярства, вспоминающаго объ удѣльномъ времени и желающаго воскресить его порядки хотя въ другомъ видѣ, а за ними туда же тянутъ всѣ, чьи интересы связаны съ оставшимися, нужно замѣтить, не въ одномъ воспоминаніи, порядками. Едва-ли можно назвать случайностію то, что вскорѣ по уничтоженіи удѣловъ выростаетъ крѣпостное право, которое, если стать на точку зрѣнія крестьянъ, было — а потому и намъ его можно назвать — новымъ видомъ удѣльнаго права: присоединенный удѣлъ московскіе цари немедля же по частямъ отдавали въ помѣстья своимъ служилымъ людямъ, чрезъ что вмѣсто одного удѣльнаго князя являлись въ этомъ удѣлѣ десятки владѣльцевъ, а слѣдовательно и удѣловъ, которые только въ началѣ не были закрѣпощены за родомъ новаго мелкаго и слабаго удѣльнаго

владѣтеля; послѣ же они, въ сущности, и законодателемъ не отличались отъ вотчинъ, а Петръ I и эту разность уничтожилъ и тѣмъ окончательно узаконилъ существованіе на Руси множества мелкихъ, но слабыхъ удѣльныхъ князей.

Въ виду вышеизложеннаго, самодержавіе можно назвать освободительнымъ началомъ въ жизни русскаго народа, которое, укрѣпляясь постепенно въ лицѣ Петра Великаго увидѣло наконецъ необходимость въ рѣшительномъ ударѣ союзу всѣхъ началъ, угрожавшихъ опасностію самому государству. Такимъ ударомъ и было уничтоженіе патріаршества, съ указаніемъ въ Духовномъ Регламентѣ на опасности для государства отъ единоличнаго церковнаго управленія въ странѣ, полной невѣжества: „простой народъ не вѣдаетъ, говорится въ этомъ Регламентѣ, какъ разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но, великою высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковый правитель есть то второй государь самодержцу равносильный, или и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство, и се самъ собою народъ тако умствовати обыклъ. Что же егда еще и плевельныя властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся, и сухому хврастію огнь подложатъ? Тако простыя сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря въ коемъ-либо дѣлѣ смотрятъ. И когда услышится нѣкая между оными распря, вси духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ, и за него поборствовати и бунтоватися дерзаютъ, и льстятъ себе окаянные, что они по самомъ Богѣ поборствуютъ и руки своя не оскверняютъ, но освящаютъ, аще бы и на кровопролитіе устремилися. Такому же въ народѣ мнѣнію вельми рады и не простые, но коварные человѣцы: тіи бо, на Государя своего враждующе, егда увидятъ ссору Государя съ Пастыремъ, похищаютъ то за добрый случай злобѣ своей, и, подъ видомъ церковной ревности, не сумнятся подносить руки на Христа Господа, и къ тому жъ беззаконію, яко къ дѣлу Божію, подвизаютъ простой народъ. Что жъ когда еще и самъ Пастырь, таковымъ о себѣ надменъ мнѣніемъ, спать не похощетъ? Изрещи трудно, коликое отсюду бѣдствіе будетъ“ (стр. 12 по изд. 1866 г.). Что это не предположительныя только, приводимыя, какъ бываетъ, въ оправданіе своего поступка, разсужденія, а указаніе на создавшееся,

всѣмъ извѣстное, положеніе вещей, можно ясно видѣть и изъ поступка устюжскаго архіепископа Александра, предавшаго отлученію отъ церкви воеводу Кикина за дѣйствованіе имъ по указамъ Великаго Государя, въ предѣлахъ закона и по службѣ, но признанное владыкою за досадительное ему, а потому якобы и церкви. Извѣстны и разсчеты царевича Алексѣя Петровича, какимъ путемъ онъ думалъ, получивъ престолъ, уничтожить дѣла своего отца: „Плюю на нихъ (на государственныхъ сановниковъ), здорова бы мнѣ была чернь. Когда мнѣ будетъ время безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ, а священники прихожанамъ, тогда они и не хотя меня владѣтелемъ учинятъ". Нельзя не признать, что разсчетъ царевича Алексѣя былъ вѣренъ; еслибы и не вполнѣ оправдался этотъ разсчетъ, то, повторяя слова Духовнаго Регламента, скажемъ, что „изрещи невозможно, коликое отсюду бѣдствіе" произошло бы.

Въ виду такого положенія вещей, Петру Великому не оставалось другаго исхода, какъ только, не касаясь основнаго церковнаго устройства и даже церковнаго управленія въ томъ видѣ, какъ оно организовалось до IV вѣка, когда церковь жила не въ союзѣ съ государствомъ, а внѣ государства, имѣя въ немъ своего гонителя, уничтожить, оказавшееся опаснымъ для государства, патріаршее правленіе и замѣнить его соборнымъ [1]), обязавъ каждаго члена учреждаемаго собора вѣрноподданическою *присягою*, т. е. уничтожить только тѣ плевелы, которые ко времени Петра Великаго не только разрослись, но и начали препятствовать росту пшеницы. Это было *не нападеніе на церковь* со стороны *государства*, а *самозащита* послѣдняго, предпринятая не противъ церкви, а противъ внутреннихъ своихъ враговъ, прикрывавшихъ свои преступныя цѣли именемъ и благомъ церкви. Само собою понятно, что такое сложное дѣло не могло быть совершено безъ ошибокъ въ частностяхъ и даже безъ нѣкоторыхъ неправдъ, а особенно—безъ страданія тѣхъ или другихъ лицъ, невольно привлекающихъ на себя вниманіе изслѣдователей и отвлекающихъ оное отъ наблюденія за тою силою

---

[1]) Съѣзжаться въ Россіи, при ея обширности и ея путяхъ сообщенія въ XVIII вѣкѣ, хотя разъ въ годъ, какъ требуется канонами, было невозможно: постоянный соборъ въ виду этого былъ необходимостію тогда, да и теперь эта необходимость не исчезла.

вещей, которую направлять ко благу церкви и народа призванъ былъ Петръ Великій. Имѣя предъ собою высокіе образцы совмѣщенія обязанности и пастыря и вѣрноподданнаго, въ лицѣ святителя Митрофана Воронежскаго, Іова Новгородскаго и др., Петръ I й, при помощи своего ученаго сподвижника Ѳеофана Прокоповича, не что другое сдѣлалъ, какъ безповоротно направилъ теченіе дѣлъ церковнаго управленія туда, куда и до него, начиная съ Іоанна III и кончая соборомъ 1681 года, силились направлять лучшіе русскіе люди, насколько то зависитъ отъ мощи людской, а не отъ Главы Церкви Господа нашего Іисуса Христа. Самъ вѣруя въ церковь, любя церковность и даже имѣя привычку читать и пѣть въ церкви, Петръ Великій, по долгу истиннаго сына православной церкви и по долгу Самодержца объявивъ, что онъ есть *крайній судія* духовной коллегіи, состоящей изъ его подданныхъ, обязанныхъ къ нему присягою, потребовалъ отъ нихъ присяги и въ томъ, что „во всѣхъ дѣлахъ его Духовнаго Правительственнаго Собранія“ они будутъ искать всегда самыя сущія истины и самыя сущія правды, „полагая всѣмъ *мыслямъ* и словамъ и дѣйствіямъ *своимъ, яко вину конечную*, славу Божію и спасеніе душъ человѣческихъ и всей *церкви созиданіе*“, а не власть мірскую.

III.

Говорятъ, что Петръ Великій ввелъ въ Россіи цезарепапизмъ, когда уничтожилъ патріаршество и самъ сдѣлался главою русской церкви. Это невѣрно уже потому, что Петръ I-й самъ себя, ни въ одномъ оффиціальномъ актѣ, не называетъ главою церкви. Если же присмотрѣться къ даннымъ, которыя могутъ служить матеріаломъ для точнаго сужденія о положеніи русскаго царя въ церкви, то нельзя будетъ не признать, что геній Петра I-го разрѣшилъ поднимавшійся до него вопросъ о главѣ церкви не въ смыслѣ римско реформатскомъ, а въ смыслѣ чисто православнаго народнаго понятія о церкви, избѣжавъ крайностей, допущенныхъ, не говоря уже о папистахъ, реформаторами и, даже византійцами.

Вопросъ о главенствѣ русской церкви при Петрѣ даже не былъ поднимаемъ, такъ какъ еще при отцѣ его сдѣлано было почти все необходимое для того, чтобы этотъ вопросъ западной Европы сдѣлать навсегда для православной Россіи неумѣст-

нымъ. Это было во время, длившагося нѣсколько лѣтъ, дѣла патріарха Никона. „Развѣ царь,—писалъ этотъ патріархъ въ своемъ отвѣтѣ (тетрадкахъ) Паисію Газскому и боярину Стрѣшневу,—есть глава церкви? По апостолу, глава церкви есть Христосъ (Колос. 2, 51). Гдѣ говорится о томъ, что Царь имѣетъ власть надъ церковію?“ (Дѣло патріарха Никона, изслѣдованіе Гюббенета, т. II стр. 217). Эти слова знаменитаго патріарха показываютъ, что, во время столкновенія его съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, вопросъ о главенствѣ церкви занималъ умы нашихъ предковъ. Но есть основаніе думать, что онъ явился не вслѣдствіе органическаго развитія и роста русскаго народнаго замосознанія [1]), а внесенъ былъ въ среду современниковъ Никона пришлыми къ намъ людьми, подобными Газскому Паисію, для котораго то, напр., обстоятельство, что у царя въ гербѣ двуглавый орелъ, могло казаться доказательствомъ властя царя надъ русскою церковію: „Для чего двоеглавый орелъ пишется? говоритъ отъ въ 26 отвѣтѣ Стрѣшневу и отвѣчаетъ, что онъ расширяется къ достоинствамъ *церковнымъ и мірскимъ* (ibid. стр. 545). Для единомышленниковъ Паисія могло казаться доказательствомъ главенства царя въ церкви и то, что онъ назначаетъ въ монастыри настоятелей и даже „обираетъ“ патріарха (ibid.). Для мыслящаго же русскаго человѣка того времени такія рѣчи не могли быть доказательны, такъ какъ, согласно его представленію о церкви Христовой, никакъ не можно было назвать властію церковною новгородскихъ, напр., мужей, обиравшихъ себѣ архіепископа, или вотчинника, выбиравшаго въ выстроенную имъ церковь попа, ни въ какомъ смыслѣ не годилось называть главою церкви. Для того, чтобы выразить отношеніе первыхъ и послѣдняго къ церкви, существовало у насъ другое слово: *строитель* или *ктиторъ*, заключавшее въ себѣ понятіе, можно сказать, только соприкасающееся съ понятіемъ о церкви, но не входящее въ составъ его, какъ видовое, или низшее. Понятіе о церкви, какъ „обществѣ вѣрующихъ“, въ древнерусской церкви не имѣло мѣста, и когда Хомяковъ въ своемъ

---

[1]) Патріархъ Никонъ писалъ: „Ты, Симеонъ (Стрѣшневъ), говоришь не своими устами и не своимъ языкомъ; всѣмъ, знающимъ тебя, извѣстно, что ничего такого въ тебѣ нѣтъ, чтобы составлять такіе вопросы, съ которыми ты обращаешься“ (ibid. стр. 188).

катихизисѣ говоритъ, что „церковь *не* есть *множество лицъ* въ ихъ личной отдѣльности, *но единство* Божіей *благодати*, живущей во множествѣ *разумныхъ твореній*, покоряющихся благодати“ (Соч. т. II § 1), то этимъ онъ, протестуя, такъ сказать, противъ современнаго понятія о церкви, какъ „обществѣ вѣрующихъ“,—какимъ выраженіемъ исключаются, напр., ангелы и всѣ первородные, на небеси написанные, изъ состава церкви,—выразилъ древне-русское православное понятіе о церкви Христовой. Сколько извѣстно, понятіе о церкви, какъ „обществѣ вѣрующихъ“, внесено въ сознаніе русскихъ людей, и, такъ сказать, узаконялось Большимъ Катихизисомъ, составленнымъ подъ вліяніемъ схоластической учености и такъ называемыхъ социніанскихъ ученій, коснувшихся и умовъ православныхъ ученыхъ юго-западнаго края, служившихъ православной церкви во время отпаденія епископовъ въ унію, что̀ легко понять, между прочимъ, и изъ самаго опредѣленія церкви въ этомъ произведеніи протопопа Зизанія, какъ о „*собраніи* вѣрныхъ Божіихъ, сущихъ подъ единою Главою Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, а подъ управленіемъ совершенныхъ *святыхъ* (по социніански вм. іерархіи), отъ Него поставленныхъ“. До напечатанія въ Москвѣ патріархомъ Филаретомъ этого катихизиса, да и послѣ, и даже въ югозападной Россіи, какъ видно изъ Маргарита, общепринятымъ понятіемъ о церкви было понятіе о ней св. Іоанна Златоуста, въ каковомъ понятіи на первый планъ выдвинуты были признаки: вѣра, житіе, законы церковные, и по которому „церковь ничто же ино есть, но развѣ нашими душами созданный домъ“. Это понятіе о церкви въ сущности имѣлъ и патріархъ Никонъ: „Скажи мнѣ,—писалъ онъ въ своихъ тетрадкахъ на вопросы боярина Стрѣшнева и отвѣты Газскаго Паисія,—скажи мнѣ прежде, что̀ есть церковь?—и вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалъ поясненіе: церковь—не мѣсто только, занимаемое церковнымъ зданіемъ, не стѣны церковныя, но *законы церковные*; церковь есть *не стѣны съ кровлею*, но *вѣра и житіе*. Основаніемъ церкви Христовой были апостолы, которые распространили церковь по вселенной; стѣна же велія церковная, высокая и хранительная есть Христосъ, Онъ же есть и Глава церкви. Затѣмъ Никонъ, возражая на отвѣтъ Паисія, говоритъ, что, по апостолу Павлу, члены св. церкви имѣютъ нѣсколько степеней: первая степень—апостолы, вторая—пророки, третья—учители и такъ далѣе. Никонъ, опи-

раясь на эти степени, спрашиваетъ, почему въ нихъ царь не показанъ первымъ за высоту царства?“ (Дѣло патр. Ник. изсл. Гиббенета т. II стр. 216). Если къ этому еще присоединить тѣ мѣста изъ древнихъ актовъ, гдѣ церковь опредѣляется, какъ „земное небо“ (Р. И. Б. т. VI, стр. 485), а священнослужители называются „небесными человѣками и земными ангелами“, т. е. мѣста, говорящія не о земной, а *о небесной*, такъ сказать, *природѣ* церкви Христовой; то легко будетъ понять, что древне-русское православное понятіе о церкви, связанное съ именемъ св. Іоанна Златоустаго и вліяніемъ его твореній на древнерусское общество, совершенно согласное съ вышеприведеннымъ опредѣленіемъ церкви покойнаго Хомякова, не сходственно съ понятіемъ о церкви, какъ „обществѣ вѣрующихъ“, объединенныхъ извѣстными, на землѣ только существующими, условіями (ученія, священнодѣйствія и управленія), — съ понятіемъ, начавшимъ водворяться у насъ въ XVII вѣкѣ, образовавшимся же подъ вліяніемъ не восточныхъ отцевъ церкви, а западной науки и реформаціи, хотя въ существѣ тоже вѣрнымъ, но, говоря языкомъ логики, въ объемѣ и содержаніи нѣсколько разнящемся отъ древнерусскаго.

На воображеніе и чувство, а потому и на поведеніе христіанина древнерусское понятіе о церкви было дѣйственнѣе, чѣмъ общепринятое нынѣ, можетъ быть, вслѣдствіе того, что послѣднее сухо, какъ формула, а древнее, не имѣя такой логической законченности, было болѣе представленіемъ, чѣмъ понятіемъ, болѣе образомъ, чѣмъ отвлеченною мыслію. По этому представленію, на землѣ только часть, притомъ меньшая, церкви Христовой: наше отечество на небѣ; тамъ и престолъ Божій, тамъ и Глава церкви съ большинствомъ общества вѣрующихъ, отъ вѣка преставльшихся; общество же вѣрующихъ на землѣ, или церковь воинствующая, всегда, во всякое данное время, весьма незначительно по сравненію съ переселившимися отсюда въ царствіе небесное и сдѣлавшимися членами екклесіи торжествующей. На Руси, напр., въ первое время, среди моря язычества, существовали только, какъ островки, эти общества вѣрующихъ, эти колоніи екклесіи небесной. Понятно, что для этихъ вѣрующихъ, тянувшихъ своимъ чувствомъ, воображеніемъ и всею своею душою не къ окружающему міру, къ которому они тянули въ то же время судомъ, данію и всѣми остальными плотскими отношеніями, а къ небу, къ Царю, имѣющему тамъ престолъ, и къ обществу, населяющему Его цар-

ство—что для нихъ церковь или приходскій храмъ дѣйствительно былъ частію неба среди русской земли: приходя въ этотъ храмъ, они входили въ духовное, молитвенное общеніе съ небожителями, изображеніе коихъ они видѣли въ иконостасѣ, а особенно съ тѣмъ своимъ небеснымъ покровителемъ, которому посвященъ былъ этотъ храмъ; приходскій священникъ былъ посредникомъ между ними и ихъ небеснымъ отечествомъ, былъ небеснымъ человѣкомъ и земнымъ ангеломъ, стѣны и кровля приходскаго храма не были для нихъ церковію (Ἐκκλεσία), а домомъ Божіимъ (слово церковь произошло отъ искаженія греческихъ словъ, означающихъ домъ Божій), въ которомъ невидимо обиталъ самъ ихъ небесный покровитель: умирая, они оставляли тѣла свои у этого дома (на погостѣ) и вѣрили, что переселяются въ небесное отечество и вполнѣ дѣлаются гражданами церкви Христовой.

Такою же вѣрою жили и русскіе князья по принятіи ими христіанства: изъ своихъ доходовъ они „строили" дома Божіи для своихъ небесныхъ покровителей и, приказывая, при переселеніи своемъ какъ бы изъ колоніи экклесіи небесной, т. е. изъ общества церкви земной въ отечество небесное, погребсти ихъ останки въ церквахъ ихъ строенія, отдѣляли навсегда изъ своихъ государственныхъ доходовъ достаточную (десятую) часть на поддержаніе Божіихъ храмовъ своего княжескаго „строенія" и на „кормъ" тѣхъ „земныхъ ангеловъ", которые будутъ служить Царю небесному въ этихъ храмахъ. Такъ же точно, когда съ теченіемъ времени христіанство распространилось по всей русской землѣ, дѣлали и вотчинники и вообще всѣ богатые люди древней Руси, на основаніи того же, вышеизображеннаго вѣрованія. И князья, и вотчинники, и даже простые волостные люди и крестьяне, подъ дѣйствіемъ того же, общаго для всѣхъ ихъ, міросозерцанія, „строили" церкви и „ружили" причисленныхъ (причтенныхъ, причтъ) къ нимъ богомольцевъ.

Въ виду этихъ общеизвѣстныхъ истинъ, основанныхъ на данныхъ, взятыхъ изъ древней письменности, начиная съ лѣтописей и кончая предисловіями къ синодикамъ, можно сказать, что въ религіозномъ сознаніи русскаго народа до напечатанія въ Москвѣ Большаго Катихизиса не было и мѣста вопросу *о земномъ главенствѣ* церкви: общество вѣрующихъ, состоявшее изъ князей русской земли, ихъ дружинъ и слугъ, ихъ данныхъ людей и богомольцевъ, иначе говоря—земная русская

церковь удѣльнаго времени, съ ея іерархическою организацiею и ктиторами земныхъ церквей, а потому и кормильцами богомольцевъ, при нихъ состоявшихъ, понимала себя колоніею церкви небесной, а не частію церкви греческой, или какой-нибудь другой, тоже земной. Была зависимость отъ Вселенскаго патріарха, но она оказалась столь слабою и такого свойства, что о самостоятельности русской земной церкви стали очень рано думать и русскіе богомольцы, и ктиторы русскихъ церквей. Вся внутренняя жизнь русской церкви, вся ея исторія до XVIII вѣка имѣла въ основѣ своей почти исключительно вышеизображенное міросозерцаніе русскаго народа и обусловливалась отношеніями между церковью, понимаемою въ томъ смыслѣ, какъ выше объяснено, и государствомъ, организовавшимся въ московское самодержавіе, а потомъ въ Россійскую имперію. Неумѣстно здѣсь подробно доказывать истинность такого нашего мнѣнія.

IV.

Къ концу XVII вѣка русская церковь, понимавшая себя, какъ выше изображено, имѣла такой видъ.

1) Князья, а потомъ цари, и не помышляя о главенствѣ въ русской церкви, митрополитовъ же, а потомъ патріарховъ всея Россіи именуя своими отцами, а главою церкви исповѣдуя одного Христа, несли обязанности и пользовались правами церковныхъ ктиторовъ въ двоякомъ отношеніи: въ качествѣ обыкновенныхъ вотчинниковъ и въ качествѣ государей-ктиторовъ. По Котошихину при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ было „на Москвѣ соборныхъ церквей близко сорока, а въ городѣхъ во всякомъ городѣ по церквѣ соборной; да на Москвѣ жъ и въ городѣхъ, и въ селехъ, *царскихъ церквей* будетъ близко полуторы тысечи, а называются соборные церкви, потому что они есть изо всѣхъ церквей *головныя церкви*“. И когда говорится, что въ Москвѣ „сорокъ сороковъ церквей“, то это не то означаетъ, что тамъ было до 1.600 церквей, а 40 соборовъ, какъ головныхъ церквей, къ которымъ тянули не головныя, въ неопредѣленномъ количествѣ, церкви Москвы: „сорокъ“ такая же неопредѣленная, въ этомъ случаѣ, величина, какъ и „сто“ въ Псковѣ, заключавшее въ себѣ и больше и меньше ста поповъ. Какъ бы то ни было, всѣ соборныя

церкви, какъ въ Москвѣ, такъ и по городамъ, а равно и простыя царскія церкви, въ полуторатысячномъ количествѣ, *содержались* на счетъ царя, и духовенство ихъ кормилось изъ царской руги, денежной и хлѣбной, а иные и отъ вотчинъ. „И у тѣхъ", говоритъ Котошихинъ, „у всѣхъ церквей будетъ всякаго чину служебниковъ болши 18.000 человѣкъ" (гл. VI, стр. 60). Всѣ царскіе соборы въ Москвѣ и въ уѣздныхъ городахъ и все ихъ духовенство имѣли уже въ XVI вѣкѣ отношеніе къ царю не какъ къ обыкновенному вотчиннику-ктитору, но какъ къ царю-ктитору, т. е. государственное значеніе. Есть указаніе въ лѣтописи и нѣкоторыми изслѣдователями признается, что первые кіевскіе митрополиты жили не въ Кіевѣ, а въ Переяславѣ (Полт. губ.) до постройки Софійскаго собора и при немъ митрополіи. Равноапостольный князь Владиміръ для себя устроилъ особую церковь, въ которой и положены его мощи, и духовенство которой содержалось изъ десятины его доходовъ; эту Десятинную церковь и десятину онъ отдалъ, по словамъ лѣтописца, Анастасу, вывезенному имъ изъ Корсуня; этотъ Анастасъ и долженъ быть названъ первымъ на Руси княжескимъ протопопомъ. Во Владимірѣ на Клязьмѣ тоже видимъ, кромѣ собора митрополичья, Дмитріевскій великокняжескій соборъ, съ особыми соборянами. Такъ было у каждаго князя великаго и тянувшихъ къ нему удѣльныхъ, за исключеніемъ, можетъ быть, Нижегородскаго, имѣвшаго соборъ только съ протопопомъ. Неумѣстно здѣсь объяснять, почему съ зарожденія Московскаго государства и возникновенія идеи собиранія русской земли вокругъ Москвы, открытію у насъ новыхъ епархій противилисъ на Москвѣ. Великія княженія: Тверское, Смоленское, Рязанское, Новгородское издавна имѣли своихъ епископовъ; малыя же удѣльныя и стремившіяся стать великими, вынуждаемы были довольствоваться протопопами, которые и вѣдали духовенство въ церквахъ того или другаго удѣла. По мѣрѣ того, какъ удѣлы присоединялись къ Москвѣ въ качествѣ уѣздовъ, а удѣльные князья превращались въ служилыхъ бояръ великаго князя московскаго, и богомольцы удѣльныхъ князей, съ протопопами во главѣ, превращались въ царскихъ богомольцевъ и переходили на царскій кормъ. Соборному духовенству Стоглавый Соборъ далъ значеніе епископскихъ намѣстниковъ въ уѣздахъ, довольно обстоятельно начертавъ ихъ обязанности; духовенству же остальныхъ какъ городскихъ, такъ и сель-

скихъ церквей, ктиторами которыхъ были удѣльные князья, *Вотчинникъ всей русской земли*, принявшій на себя обязанности и права ктиторовъ ихъ, далъ ругу и кормъ изъ своей царской казны, почему и сдѣлался ктиторомъ *всероссійской церкви*. Эти церкви, въ полуторатысячномъ количествѣ и состоявшіе при нихъ богомольцы, коихъ Котошихинъ насчитываетъ съ соборянами до 18 тысячъ, не имѣли государственнаго значенія и занялп положеніе къ царю, какъ къ обыкновенному вотчиннику и ктитору. Въ качествѣ таковаго, царь чрезъ своихъ служилыхъ людей охранялъ имущество соборовъ и своихъ ружныхъ церквей, производя ему описи (ревизіи), и вѣдалъ церковное хозяйство, поручая считать ведущихъ оное протопоповъ и поповъ въ церковныхъ доходахъ и расходахъ, или воеводѣ, или кабацкому и таможенному головѣ, или особымъ счетчикамъ (Р. И. Б. Т. XII Холм. актовъ № XXI стр. 71—81. Устюж. акт. № LV стр. 253 и др.). Такое положеніе царскаго соборнаго духовенства въ епархіальномъ управленіи и положеніе соборовъ и другихъ царскихъ церквей въ хозяйственномъ и вообще имущественномъ отношеніи и составляетъ ту *норму*, въ виду которой формировалось и съ Петра Великаго окончательно опредѣлилось положеніе русскаго царя въ русской церкви, но не какъ главы церкви, въ реформатскомъ или папскомъ смыслѣ, а какъ *Верховнаго ктитора всероссійской церкви*.

2) Великое княжество Новгородское, княжество Псковское и такія русскія области, какъ Вятка, Вага и другія, сохранившія даже до XVII вѣка названіе *земель* (Поморскихъ городовъ—тожъ), имѣли тоже свои вотчинныя церкви, имуществомъ и хозяйствомъ которыхъ, а равно и руженьемъ богомольцевъ, при нихъ состоявшихъ, распоряжалось вѣче, а послѣ—земская изба, на правахъ ктиторовъ. Избирая для себя архіепископа, новгородцы находили себя въ правѣ не только считать Софійскую казну, въ лицѣ казначеевъ у нея стоявшихъ, но и давать ей назначеніе, по слову вѣча, на общественныя нужды, даже въ уплату контрибуцій; въ своихъ пятинахъ, не говоря уже о самомъ Новгородѣ, они имѣли не мало ружныхъ церквей, содержаніе которыхъ, по завоеваніи Новгорода, великій князь Московскій взялъ на себя, какъ ктиторъ своей отчины—Новгородской земли. Псковъ, мирно завоеванный Василіемъ III Іоанновичемъ, получилъ, какъ бы въ награду за свое смиреніе, неприкосновенность, на нѣкоторое время, своего внутренняго устройства, въ составъ котораго входило и исконное

право господина Пскова вѣдать вотчинное хозяйство всѣхъ приходскихъ церквей на своей землѣ, въ качествѣ ихъ ктитора. Въ Псковѣ на всей территоріи княжества, т. е. въ самомъ „Псковѣ и въ пригородѣхъ съ уѣзды" было около 160 приходскихъ церквей (А. И. Т. V № 122), за которыми было „всякихъ угодій многое число" и много вотчинъ, на которыхъ сидѣло „больше тысячи дворовъ крестьянъ" (ibid. № 172). Такъ какъ эти церкви были „строенія" господина Пскова и имъ же были надѣлены вотчинами, то и церковными старостами въ нихъ были псковичи, выбиравшіеся вѣчемъ и предъ нимъ, какъ ктиторомъ, считавшіеся. По уничтоженіи вѣча эти старосты-псковичи считались то предъ всегородною земскою избою, то предъ воеводами: права ктитора, такимъ образомъ, перешли на ктитора Всероссійской церкви. Учрежденіе во Псковѣ епархіи вызвало домогательство псковскихъ архіереевъ считать этихъ церковныхъ старостъ-псковичей, тогда уже „мужиковъ", а не вѣчевиковъ, на своемъ архіерейскомъ дворѣ; но государственная власть долго противилась этому. Чѣмъ это кончилось, сказано будетъ ниже. Такія же земскія церкви, ктиторами которыхъ считался главный *городъ земли*, существовали и въ Вяткѣ и въ Устюжской землѣ, гдѣ, съ учрежденіемъ епархій, возникло подобное псковскому столкновеніе изъ-за „права счета" церковной казны между архіереемъ и мѣстными земскими властями, основывавшими свое право завѣдыванія хозяйствомъ церквей на томъ, что эти церкви „ихъ строеніе", т. е. на ктиторскомъ правѣ (см. акты Устюжской еп. въ Р. И. Б. Т. XII № CC и др.).

3) Примѣненіе ктиторскаго права къ церквамъ, построеннымъ вотчинниками и помѣщиками, какъ въ отношеніи къ выбору членовъ причта къ нимъ, такъ и по отношенію къ завѣдыванію церковнымъ хозяйствомъ, было въ общихъ чертахъ сходно съ порядкомъ примѣненія этого права Великими Государями къ своимъ царскимъ церквамъ и къ своему царскому духовенству: „у болшихъ и немногихъ бояръ, говоритъ Котошихинъ, учинены на дворѣхъ своихъ церкви и даютъ они попомъ своимъ жалованье, по зговору, погодно" (стр. 122 гл. XIII), т. е. ружатъ ихъ такъ, какъ ружили свое духовенство и Великіе Государи. Церкви, находившіяся въ вотчинахъ и помѣстьяхъ, и духовенство, при нихъ состоявшее, подлежали попеченію и вѣдѣнію того, кто ихъ „строитъ": если эти церкви были „строеніе мірское", то вотчинные или по-

мѣстные крестьяне и набирали причтъ къ нимъ, и выбирали церковнаго старосту изъ среды себя, и назначали счетчиковъ для повѣрки его въ церковныхъ доходахъ и расходахъ, короче—пользовались всѣми правами ктиторовъ; если же они были „строеніе вотчинниково или помѣщиково", то и церковное хозяйство вѣдалъ и поповъ назначалъ къ нимъ землевладѣлецъ, или церковный приказчикъ, имъ назначенный, котораго онъ и считалъ. Первый видъ ктиторства преобладалъ въ вотчинахъ высшихъ духовныхъ властей и монастырей, и вообще богатыхъ землевладѣльцевъ, а второй—въ вотчинахъ соборовъ, помѣщиковъ и вообще небогатыхъ землевладѣльцевъ, хотя бы церковь была „строенія помѣщика и мірскихъ людей". Наконецъ.

4) Волостные или другихъ названій крестьяне, сидѣвшіе на волостныхъ и вообще на государственныхъ земляхъ, а равно и посадскіе люди строили у себя церкви, призывали къ нимъ поповъ, ружили ихъ, завѣдывали церковнымъ хозяйствомъ чрезъ выборнаго изъ среды себя старосту, считали его и распоряжались церковными суммами до половины XVII вѣка, какъ ктиторы. Духовенство и церковная власть не обнаруживали никакого участія, или вліянія на ходъ церковно-приходскихъ дѣлъ, имѣвшихъ связь съ имуществомъ и хозяйствомъ прихода: бывали случаи, что прихожане выбирали своего попа церковнымъ старостою, поручали ему имущество и хозяйство своей церкви, и такъ же считали его въ церковныхъ доходахъ и расходахъ, какъ и обыкновеннаго церковнаго старосту, выбраннаго изъ среды себя (Р. И. Б. Т. XII Холмог. акты №№ VI, VII, IX--XII). Въ посадскихъ и волостныхъ приходахъ съ наибольшею опредѣленностію обнаруживалось воплощеніе того понятія о церкви, которое господствовало на Руси въ допетровское время и которое мы пытались выше выяснить: каждый приходъ мыслилъ себя какъ земную колонію небесной экклесіи, какъ земную церковную общину, сгруппированную возлѣ дома Божія, этого—„земнаго неба", подъ покровомъ святаго небожителя, благодатно присутствующаго въ выстроенной для него церкви: этотъ небожитель, по ихъ представленію, собственникъ этого храма Божія, хозяинъ и распорядитель всего ихъ церковнаго имущества, они же только „строители" этого Дома и „приказчики" тянущей къ нему вотчины, выбирающіе, для завѣдыванія оною, изъ среды себя старосту, за своею порукою. Москвичъ мыслилъ свое госу-

дарство какъ „Удѣлъ Богоматери“, почему и называлъ рѣку, отдѣляющую этотъ Удѣлъ отъ Литвы „Поясомъ Богоматери“, новгородецъ называлъ свое государство „Землею св. Софіи“, псковичъ—„Землею Св. Троицы“ и т. п. Въ нашемъ распоряженіи имѣется приговоръ прихожанъ Аѳанасьевскаго и Ѳедоровскаго прихода, Кичменской волости, Устюжскаго у., составленный около 1620 года. Этимъ приговоромъ церковный староста Суворовъ и крестьяне того прихода постановляютъ: изъ 18 рублевъ съ полтиною церковныхъ денегъ, которыя по судному списку земскаго судейки Худякова съ товарищи слѣдуетъ взыскать съ прежнихъ церковныхъ старостъ Кувакина и Пономарева, „взяти 4 рубли окромѣ убытковъ, а въ достальныхъ деньгахъ простили: Аѳанасію Александрійскому да Ѳеодору Стратилату, заканчиваютъ они приговоръ, отдали судити“ (будетъ напечатанъ въ XIII томѣ Р. И. Б., объ этомъ приходѣ см. Р. И. Б. т. XII стр. 768—770). Было бы ошибкой думать, что послѣднія слова суть только образная форма рѣчи, а не буквальное выраженіе мысли прихожанъ: живость и глубина чувства, основанныя на религіозномъ представленіи, присущія древнерусскому православному человѣку, служатъ этому такою же порукою, какъ служатъ они порукою и въ тѣхъ случаяхъ, на которые указываютъ изустныя памяти, въ которыхъ приводятся въ свидѣтели архистратигъ Михаилъ, или Николай Мирликійскій Чудотворецъ, наравнѣ съ Шумиломъ, Панкратомъ и другими свидѣтелями, сидѣвшими у одра умиравшаго.

Вышеизложенными четырьмя способами осуществленія ктиторскаго права исчерпывается, по извѣстнымъ намъ даннымъ, все содержаніе исторіи (до половины XVII вѣка) имущественныхъ отношеній въ жизни соборныхъ, приходскихъ и домовыхъ церквей. Не останавливаемъ вниманія на томъ, насколько факты этой исторіи согласны съ тѣми или другими канонами, или ихъ толкованіемъ, съ тою или другою каноникой, или догматикой: мы поставили себѣ цѣлію только выяснить положеніе ктитора въ жизни русской церкви и связь, установившагося къ половинѣ XVII вѣка, его положенія съ тѣмъ понятіемъ о церкви Христовой, которымъ жила допетровская Русь. Оказывается, на нашъ взглядъ, что ни въ строѣ религіознаго міросозерцанія русскаго человѣка, ни въ исторіи имущественной жизни русской церкви, обусловленной ктиторскимъ правомъ, не было никакихъ задатковъ цезарепапизма, въ смыс-

лѣ западно-европейскомъ, и что положеніе царя въ русской церкви совершенно иное, чѣмъ было въ Византіи и въ нынѣшнихъ реформатскихъ государствахъ: оно у насъ обусловлено своеобразнымъ ходомъ исторіи русскаго народа, всецѣло возлюбившаго *самодержавную форму государственной жизни*, какъ такую, которая *одна* можетъ дать *истинную свободу русскому народу* во всѣхъ сферахъ его жизни, не исключая и *церковной*,—въ томъ смыслѣ и въ тѣхъ границахъ, которые легко видѣть изъ нижеслѣдующихъ главъ.

V.

Греческіе патріархи, вызванные въ Москву царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ для суда надъ всероссійскимъ патріархомъ Никономъ, усмотрѣли незамѣчавшуюся до того времени русскими людьми одну „нелѣпость" въ примѣненіи на Руси ктиторскаго права. „Святыя церкви,—говорили они на соборѣ 1667 года,—*священникомъ* корчемствовати и продавати нелѣпо есть... продавати церкви Христовы и церковныя мѣста, яко отчины, зѣло неправильно есть" (Дѣянія моск. собор. 1666 и 1667 г., изд. Брат. св. Петра, ч. II, стр. 17).

Какъ могло явиться такое корчемство церквами на Руси, когда ктиторы—были ли это частныя лица, или общины—заботливо отстраняли своихъ поповъ отъ завѣдыванія въ церквахъ своего „строенія" имуществомъ и хозяйствомъ, а если и допускали до староценья, то держали ихъ подъ надлежащимъ контролемъ, и—какъ это зло могло у насъ настолько разростись, что не только обратило вниманіе случайныхъ на Руси людей, но и потребовало принятія особыхъ противъ него мѣръ? Полагаемъ, что это произошло отъ стеченія такихъ обстоятельствъ: въ Стоглавникѣ отмѣчено, что въ половинѣ XVI вѣка было много церквей запустѣвшихъ, причемъ указано и на одну изъ причинъ такого запустѣнія, это—построеніе церквей не по нуждѣ народонаселенія, а по благочестію нѣкоторыхъ, по обѣту, при необезпеченіи ихъ со стороны этихъ ктиторовъ. Изъ другихъ же источниковъ, особенно изъ переписныхъ книгъ, обнаруживается и другая, болѣе дѣйственная причина запустѣнія церквей, ктиторами которыхъ были приходскія общины. Запустѣніе приходовъ какъ въ селахъ, такъ и въ посадахъ началось почти съ начала XVI вѣка подъ дѣй-

ствіемъ частію системы государственнаго управленія, смѣнившей удѣльно-вѣчевые порядки, частію же отъ завоеванія новыхъ земель, особенно Сибири, куда изъ-подъ Москвы, какъ отъ центра къ периферіи, двинулись подвижные и своевольные элементы народонаселенія. Неспокойное, за царствованіемъ Грознаго послѣдовавшее, время усиливало только эти передвиженія въ народѣ. Грозный и отцы Стоглава придумали, повидимому, самую дѣйствительную мѣру къ предотвращенію запустѣнія церквей. Она полезною могла быть особенно для тѣхъ церквей, которыя оставлены были прихожанами: село, съ годною пашенною землею, запустѣвшее отъ режима вотчиннаго — помѣщичьяго, или воеводскаго, легко пополнялось тогда, при свободѣ перехода крестьянъ; нужно было только поддержать церковь, чтобы новая приходская община не оказалась въ затрудненіи при его заселеніи. На соборѣ было рѣшено вмѣнить въ обязанность епархіальнымъ архіереямъ, послѣ ревизіи приходовъ въ означенномъ направленіи, поддерживать оказавшіяся безъ пѣнія церкви изъ своей *епископской казны*, получающейся *отъ дани* съ поповъ, служащихъ при церквахъ незапустѣвшихъ, съ поповъ же въ новыхъ, оживавшихъ приходахъ, даней и другихъ пошлинъ не брать, давая льготу лѣтъ на пятнадцать, „дондеже тѣ церкви будутъ съ прихожаны“ (Стогл. гл. 70). Но рѣшеніе собора не было приведено въ исполненіе: акты не говорятъ, чтобы епархіальные архіереи XVI и XVII вѣковъ заботились о церквахъ безъ пѣнія, употребляя на поддержаніе ихъ деньги изъ указаннаго источника; за то дозорныя книги начала царствованія Михаила Θеодоровича и описныя книги городовъ во время царя Алексѣя Михайловича не рѣдко открываютъ намъ настоящихъ печальниковъ о запустѣлыхъ церквахъ. Писецъ, отмѣчая, что та или другая церковь „строеніе попово“, или „строеніе попово и мірскихъ людей“, иногда дѣлаетъ отмѣтки, изъ которыхъ видно, что, когда, напр., литовскіе люди и русскіе воры были въ томъ или другомъ мѣстѣ (а они вездѣ были), то при нападеніи ихъ на тотъ или другой посадъ, на то или другое село, погостъ и т. п., одни изъ прихожанъ были ими посѣчены, другіе же разбѣжались. Изъ отмѣтокъ же позднѣйшаго времени, дѣлавшихся въ описныхъ книгахъ, видно, что иные изъ прихожанъ переведены въ Москву въ ту или другую сотню, другіе ушли въ сибирскіе городы и т. п., и приходъ потому запустѣлъ, а церковь обвалилась. Во многихъ случаяхъ отмѣ-

чается, что уцѣлѣвшій попъ, исправивъ иногда одинъ изъ придѣловъ, а иногда обновивъ всю церковь, не оставлялъ оной безъ пѣнія. Селившійся вновь народъ иногда помогалъ этому „поповому строенію“, и въ возникшемъ, на старомъ мѣстѣ, приходѣ, церковь уже писцомъ отмѣчалась, какъ „строеніе попово“ или: „попово и мірскихъ людей“. Изъ печатныхъ источниковъ можно указать на примѣръ того, какъ церковь напр., св. Алексѣя митрополита въ Калугѣ, будучи „строеніемъ боярскимъ“, именно—боярина Никиты Ивановича Романова сдѣлалась „строеніемъ попа Михайла“, отдавшаго ее вкладомъ Лютикову монастырю, въ который поступилъ этотъ попъ старцемъ, а потомъ—собственностію Казанскаго женскаго монастыря, въ Калугѣ („Правосл. Обозр.“ май—іюнь, калужск. игуменія Маремьяна Пальчикова, стр. 94—96). Но не всѣ попы отдавали свои церкви въ монастырь; большею частію они оставляли ихъ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ,—хорошо если попамъ же, а то—и пономарямъ и даже своимъ дочерямъ, которые, нанявъ къ ней попа, по ктиторскому праву, вѣдали имущество и хозяйство своей церкви и тѣмъ жили. На земляхъ такой церкви ктиторы селили половниковъ и крестьянъ, и бывали случаи, что попъ-ктиторъ своей церкви былъ и вотчинникомъ своихъ прихожанъ. Что такое корчемство церквами было довольно распространеннымъ у насъ зломъ въ XVII вѣкѣ, можно судить по изданнымъ уже матеріаламъ: изъ книги, напр., „Св. храмы г. Тулы“ (1888 г.), изд. мѣстнаго губернскаго статистическаго комитета, видно, что изъ 25 церквей и соборовъ г. Тулы, въ XVII в. до 10 было, повидимому, „строенія поповъ“, но несомнѣнно — 6; тамъ же напечатана и поступная запись 1690 года (стр. 245 и дал.), въ яркихъ чертахъ изображающая то корчемство церквами и церковными мѣстами, о которыхъ говорилось на Большомъ московскомъ соборѣ 1667 года. Въ XII томѣ Р. И. Б. сюда относятся почти всѣ акты, перечисленные въ предисловіи на стр. VI.

Чѣмъ грозило Россіи такое совмѣщеніе въ одномъ лицѣ правъ вотчинника, ктитора и попа, излишне и говорить.

Чтобы остановить дальнѣйшее развитіе корчемства церквами, греческіе патріархи посовѣтовали прихожанамъ церквей, ктиторами коихъ состояли священники, купить у нихъ эти церкви съ мѣстами, на которыхъ онѣ стоятъ, кромѣ домовъ священнослужителей; права же ктиторства надъ ними передать патріарху всея Россіи. „Совѣтуемъ нынѣ вамъ,—говорили

они на соборѣ 1667 года,—всѣмъ *прихожаномъ* коеяждо церкве, православнымъ христіаномъ, живущимъ здѣ, въ царствующемъ велицѣмъ градѣ Москвѣ, и прочимъ, и благословляемъ васъ: *да искупите* св. церкви продаваемыя, и церковныя мѣста, развѣ домоваго ихъ строенія и храминъ, да будутъ свободны и подъ единою главою и *властію*, *еже есть* Христосъ и *крайній пастырь вашъ*, нашъ братъ святѣйшій московскій патріархъ и всея Россіи" (Д. моск. соб. 1666 и 1667 г. ч. II, стр. 17 и 18). Поелику, какъ выше подробно объяснено, византійское, обнаруживающееся и въ приведенныхъ словахъ, устройство высшей церковной власти, съ подчиненіемъ епископовъ во всемъ „кромѣ священнодѣйствія и хиротоніи" митрополитамъ, а митрополитовъ патріарху, не было принято нашими митрополитами и архіепископами: то до послѣдней четверти XVII вѣка все и осталось по-прежнему въ епархіяхъ древнихъ; въ новооткрытыхъ же епархіяхъ архіереи начали примѣнять провозглашенный восточными патріархами, въ 1667 году, принципъ ктиторской власти патріарха надъ церквами всея Россіи, по русскому пониманію, т. е., архіереи этихъ епархій „кромѣ священнодѣйствія и хиротоніи", стали „владѣть" корчемствуемыми церквами. О случаяхъ „искупленія прихожанами церквей продаваемыхъ", акты ничего не говорятъ, о поступленіи же вотчинъ тѣхъ церквей, ктиторами которыхъ состояли священники, въ составъ архіерейскихъ вотчинъ, акты свидѣтельствуютъ, что такіе случаи бывали въ новооткрытыхъ епархіяхъ (Р. И. Б. т. XII №№ CXVI, CXXV, CXL, CCXX). Въ епархіяхъ же древнихъ попы корчемствовали церквами до самаго учрежденія Святѣйшаго Сѵнода.

Кромѣ примѣненія вышеприведенныхъ словъ греческихъ патріарховъ къ церквамъ, продаваемымъ священниками, архіереи не древнихъ епархій, даже такихъ, какъ Псковская, обнаруживали, ссылаясь на „Изложеніе святѣйшихъ вселенскихъ и московскаго патріарховъ", т. е. на акты собора 1667 г., новое для старостъ церковныхъ и вообще для всѣхъ русскихъ людей примѣненіе права ктиторства и „власти надъ церквами" тѣмъ, что требовали къ себѣ на здѣлье крестьянъ, жившихъ въ вотчинахъ приходскихъ церквей, производили ревизіи имущества и хозяйства этихъ церквей и обязывали церковныхъ старостъ являться къ „счету" на архіерейскій дворъ. Нужно замѣтить, что митрополиты всея Россіи въ посланіяхъ, напр., въ Новгородъ и Псковъ, говоря о неприкосновенности цер-

ковныхъ имуществъ, не высказываются противъ такого завѣдыванія имуществомъ и хозяйствомъ приходскихъ церквей, которое обычно было въ то время, и псковичамъ пишутъ о томъ, чтобы къ старощенью не допускали ротниковъ, двоеженцевъ и троеженцевъ, а не о томъ, чтобы они отказались отъ своего права завѣдывать чрезъ старостъ церковными вотчинами. На Устюгѣ тоже исконп, даже послѣ собора 1667 г., но „за ростовскихъ митрополитовъ", церковные старосты считались по приходамъ и только передъ прихожанами. И псковичи и устюжане дѣло по защитѣ своихъ ктиторскихъ правъ доводили до Боярской Думы, и это высшее въ государствѣ учрежденіе, во время соправительницы Софіи, стало на сторонѣ старины: приказавъ взыскать чрезъ воеводу обнаруженные ревизіею недочеты и долги на церковныхъ старостахъ и пріобщить оные къ ихъ источникамъ, Боярская Дума отклонила въ завѣдываніи церковнымъ хозяйствомъ даже участіе приходскихъ священниковъ, чего добивался устюжскій архіепископъ.

Петръ 1-й по вступленіи на престолъ, поручая епархіальнымъ архіереямъ *наблюдать за цѣлостію* церковно-приходской казны, а потому снабжать церковныхъ старостъ зашнурованными въ архіерейскомъ приказѣ приходо-расходными книгами, считать ихъ на своемъ дворѣ и производить ревизію приходовъ, не дозволялъ архіереямъ *распоряжаться* церковными суммами по ихъ усмотрѣнію и безъ его, Великаго Государя, вѣдома; правежъ церковныхъ денегъ на старостахъ предоставлялъ тоже своимъ органамъ власти. (Р. И. Б. Т. XII №№ CCLXXXVI, CCLXXXIX).

Изъ Именнаго Высочайшаго указа отъ 19 февраля 1718 г. и таковаго отъ 28 февраля того же года, переданнаго графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ мѣстоблюстителю патріаршаго престола Стефану Яворскому (П. С. З. №№ 3171 и 3175), изъ такого же указа, 28 февраля 1721 года, объявленнаго отъ Святѣйшаго Сѵнода, изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Духовнаго Регламента и изъ другихъ современныхъ учрежденію Святѣйшаго Сѵнода актовъ, видно, что еще до изданія Духовнаго Регламента въ умѣ Петра Великаго созрѣлъ такой планъ устройства прихода:

а) церковная община, именуемая приходомъ, остается при своемъ исконномъ, въ церковно-хозяйственномъ отношеніи, устройствѣ, т. е. церковное хозяйство ведется чрезъ выбор-

ныхъ старостъ и вѣдается прихожанами, безъ участія причта.

b) Доходы церковные, за удовлетвореніемъ потребностей храма и богослуженія, употребляются: α) на устройство и поддержаніе домовъ для причтовъ, почему священникамъ своихъ домовъ не имѣть, а имѣющимися поступиться за плату, въ собственность церкви, β) на устройство и содержаніе богадѣленъ для приходскихъ нищихъ, на какой предметъ долженъ идти доходъ отъ продажи церковныхъ свѣчъ, на торговлю коими предоставляется исключительное право старостѣ каждой церкви въ предѣлахъ прихода, и γ) на образованіе духовенства, каковой расходъ распространяется только на церкви, имѣющія вотчины, съ которыхъ идетъ 30-я доля хлѣба на „училищные домы“ при архіереѣ, въ помощь ему, такъ какъ эти училища должны содержаться изъ архіерейскихъ и монастырскихъ (20-я доля хлѣба) вотчинъ.

c) Такъ какъ всѣ эти расходы могли оказаться непосильными для небольшихъ приходовъ — а такихъ было тогда громадное большинство—и такъ какъ для предоставленія священникамъ полной возможности, не много думая о „кормѣ“, какъ было доселѣ, исполнять обязанности учительства, требоисправленія и вообще пастырства, а для этого нужно было дать имъ достаточное „довольство“, что также являлось непосильнымъ для множества тогдашнихъ приходовъ, то Петръ Великій пришелъ къ мысли увеличить приходы соединеніемъ по нѣскольку въ одинъ. Поелику при выполненіи такихъ предначертаній нужно было наложить на прихожанъ „подать священству“, то, при опредѣленіи величины этой подати, а равно и нормы дворовъ для величины прихода, церковная власть должна была это сдѣлать при участіи власти государственной: „полезно есть сдѣлать совѣтъ съ сенаторами, какъ много дворовъ къ одному приходу опредѣлить, съ которыхъ всякій бы давалъ такую-то именно подать священству“, сказано въ Духовномъ Регламентѣ (издан. 1866 стр. 84). Наконецъ

d) контроль за веденіемъ церковно-приходскаго хозяйства, по мысли Петра, долженъ лежать на епископѣ, чего и добивались, при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и правительницѣ Софіи, архіереи новоучрежденныхъ епархій.

Таково *умоначертаніе* Петра Великаго объ устройствѣ прихода во всѣхъ его внутреннихъ отправленіяхъ и внѣшнихъ отношеніяхъ. Нельзя не примѣтить, что хозяйственная жизнь

прихода, по мысли Петра, находится, говоря вообще, въ согласіи съ тѣмъ понятіемъ о церкви и ктиторствѣ, о которыхъ было выше подробно сказано; но, согласно измѣнившимся обстоятельствамъ и указаніямъ опыта, Петръ Великій призналъ необходимымъ призвать епископа къ наблюденію за цѣлостію церковнаго имущества и за правильнымъ веденіемъ церковнаго хозяйства, въ чемъ и является представителемъ принципа, заявленнаго греческими патріархами, бывшими на соборѣ 1667 года, но измѣненнаго имъ, по требованіямъ условій русской жизни и русскаго народнаго разума. Опытъ показалъ (по псковской и устюжской епархіямъ), что суммы церковныя какъ не въ порядкѣ оказывались, когда церковные старосты считались только по приходамъ, по старинѣ, такъ онѣ оказывались не въ цѣлости и тогда, когда стали считаться только на архіерейскомъ дворѣ, или отходили въ вѣдѣніе одного приходскаго духовенства: нужно было найти новую формулу для устраненія зла. Опытъ также показалъ, что попы искали священническихъ мѣстъ „не ради Іисуса, по выраженію св. Димитрія Ростовскаго, а ради хлѣба куса“ и отличались такимъ же невѣжествомъ и суевѣріемъ, какъ и народъ: нужно было и въ этомъ случаѣ придумать мѣры къ устраненію зла.

Кто долженъ былъ объ этомъ думать и кто долженъ былъ приводить въ исполненіе придуманныя формулы? Иначе говоря—какой ктиторъ русской церкви долженъ былъ заняться и тѣмъ и другимъ дѣломъ: тотъ ли, который отъ основанія на русской землѣ церкви Христовой былъ ея ктиторомъ, или же тотъ, кому греческіе патріархи, отдавая на соборѣ 1667 года власть надъ церквами, выкупленными у своихъ поповъ прихожанами, отдавали принципіально ему власть и надъ всѣми русскими церквами? Тотъ ли Великій Государь, который къ концу XVII вѣка, состоя ближайшимъ непосредственнымъ ктиторомъ болѣе полуторы тысячи церквей, кромѣ соборовъ, былъ, какъ вотчичъ всей русской земли, и ктиторомъ, въ высшемъ смыслѣ, церквей не только всѣхъ своихъ „сиротъ“, сидѣвшихъ на его, Великаго Государя, земляхъ, но и церквей всѣхъ своихъ „холоповъ“, надѣленныхъ вотчинами и помѣстьями, вмѣсто жалованья за службу, съ правомъ и обязанностію „Государей“ русской земли; или же тотъ Великій Государь, который, хотя, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ предшественниковъ, возводимъ былъ, по особымъ обстоятельствамъ, въ достоинство „Великаго Государя“, но теперь понимаемъ

былъ мыслящими людьми русской земли за обыкновеннаго „Государя“ въ строѣ государственной жизни Россіи? Что подобные вопросы были ставимы жизнію и не только теоретически разрѣшаемы у насъ еще до Петра Великаго, но и были практически предрѣшаемы въ томъ смыслѣ, въ которомъ окончательно рѣшилъ ихъ и свое рѣшеніе узаконилъ Петръ I-й, въ этомъ нельзя сомнѣваться, въ виду рѣшеній Боярской Думы по дѣлу псковичей и по дѣлу устюжанъ съ своими архипастырями.

VI.

Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ обнаружилось сильное движеніе въ высшемъ русскомъ обществѣ къ образованію (Ртищевъ и его монастырь) и тогда же обозначились въ немъ два направленія: одни находили, что образованіе русскому народу нужно получить, какъ и вѣру онъ получилъ, съ Востока, отъ грековъ, другіе же—отъ западной Европы чрезъ Кіевъ и его ученыхъ. Первые, признавая для московскаго государства полезнымъ подражаніе Византіи и въ государственномъ и въ церковномъ устройствѣ, находили, что для русскаго народа нужна не столько наука и образованіе, сколько неприкосновенность православія въ томъ его видѣ, въ какомъ современные имъ греки желали его видѣть, и готовы были для достиженія своей цѣли основать въ Москвѣ нѣчто подобное инквизиціи, какъ можно видѣть изъ проекта грамоты царя Ѳеодора Алексѣевича (1682 г.), дарующей разныя привилегіи задуманной въ Москвѣ академіи. Предполагалось устроить нѣсколько училищъ въ монастыряхъ, подъ общимъ названіемъ академіи, въ которой бы блюстителемъ и учителями были лица только „россійскаго и греческаго народа“; грековъ предполагалось принимать при свидѣтельствѣ отъ патріарховъ и надлежащемъ испытаніи по прибытіи въ Москву; пріѣзжающимъ „изъ Литовскія страны и Малыя Россіи“ признано нужнымъ не вѣрить, „аще бы кто изъ нихъ и писаніемъ правду вѣры нашея восточныя удостовѣрялъ“, не вѣрить, принимая во вниманіе то, что „таковіи являются якобы совершенно благочестивые, а егда увѣрятся быти благочестивыми, тогда по малу развратная словеса вѣры нашей всѣвати, и оныя непсрочную цѣлость терзати начинаютъ“; „новопросвѣщеннымъ же отъ римскія вѣры, и лютерскія, и кальвинскія, и иныхъ ересей приходя-

щимъ въ тѣхъ училищахъ блюстителю и учителемъ весьма не быти". Выбранные въ блюстители и учителя должны будутъ присягнуть въ соблюденіи имѣющаго быть сочиненнымъ въ совѣтѣ царя съ патріархомъ устава академіи, и еслибы кто изъ нихъ послѣ похвалилъ чужую вѣру, его предположено изгонять и за хуленіе православныя вѣры сожигать. Въ предположенныхъ по монастырямъ училищахъ могли учиться только русскіе люди; держащіе у себя, безъ вѣдома академическаго начальства, домовыхъ учителей лишаются своего имѣнія, учащіеся же въ нихъ до окончанія курса могутъ не платить долговъ „и суда на нихъ велено не давати". Проступки, совершаемые блюстителемъ, судятся учителями, въ присутствіи царя и патріарха; проступки учителя судятся судомъ блюстителя съ остальными учителями. Проступки учащихся, кромѣ убійственныхъ и за другія великія дѣла, судятся „гдѣ что доведется, съ вѣдомости блюстителя". Если взять во вниманіе, что въ распоряженіе проектируемой академіи предположено было отдать 8 богатѣйшихъ монастырей „со всѣми крестьянскими и бобыльскими дворы и со всѣми угодьи", да въ Чугуевѣ на Опаковѣ Колодезѣ пасечное мѣсто со всѣми угодьи и землею, да дворцовую Вышегородскую волость со всѣми крестьянскими и бобыльскими дворы и со всѣми угодьи и съ мельницами, да въ Лавышескомъ стану 8 пустошей, то трудно будетъ не узнать въ предполагавшейся академіи особаго рода *удѣла*, съ льготною судною грамотою, а въ блюстителѣ академіи — особаго рода удѣльнаго князя. Пріѣзжающихъ изъ разныхъ странъ ученыхъ блюститель академіи подвергаетъ разсмотрѣнію въ вѣрѣ и выдаетъ свидѣтельство на годность въ Россійскомъ царствѣ, неимѣющихъ же этого свидѣтельства велѣно „до царскія милости и жалованья не допущати и никому изъ русскихъ къ себѣ въ домѣхъ таковыхъ не держати". Принимающимъ православіе блюститель академіи долженъ вести списокъ и „имѣть извѣстіе" о ихъ жизни и вѣрѣ, и еслибы кто изъ нихъ сталъ колебаться, такого „въ дальные городы, на Терекъ и въ Сибирь ссылати", а похулившій нашу вѣру „да сожжется безъ всякаго милосердія"; книги еретическія блюститель долженъ сжигать. Еслибы даже „кто изъ чужеземцевъ и русскихъ людей при пришествіи" сказалъ что-нибудь укоризненное о нашей вѣрѣ, такого „на судъ во ономъ дѣлѣ отдавати блюстителю училищъ со учительми", и этотъ академическій судъ могъ для него кончиться сожже-

ніемъ (Д. Р. Вивліоѳ. Т. VI, стр. 397—420). Такой строй мыслей, связываемый, какъ видно изъ документа, съ памятью о патріархѣ Александрійскомъ и судіи вселенныя Паисіи и патріархѣ Антіохійскомъ и всего Востока Макаріи, и, очевидно, не чуждый патріарху Московскому Іоакиму, по совѣту и благословенію коего все вышеизложенное предполагалъ царь сдѣлать, даетъ основаніе думать, въ какомъ направленіи русскими грекофилами того времени разрѣшены были бы поставленные нами выше вопросы объ устройствѣ прихода, какъ церковной общины, просвѣщеніи духовенства, распоряженіи въ церковномъ хозяйствѣ, назначеніи церковно-приходскихъ суммъ и т. д., еслибы не восторжествовали коренныя русскія, исторически выработанныя, идеи о правахъ и обязанностяхъ ктитора русской церкви, сгруппировавшіяся возлѣ идеи самодержавнаго православнаго царя. Безъ преувеличенія можно сказать, что, восторжествуй тогда византійское направленіе, для нашего отечества наступило бы время самаго тяжелаго какъ нравственнаго, такъ и матеріальнаго гнета, тогда какъ умоначертаніе Петра Великаго, выше изображенное, будучи имъ узаконено, принесло русской церкви освобожденіе въ той области ея жизни, къ которой оно относилось, т. е., къ православному народу, въ его группировкѣ по церковно-приходскимъ общинамъ.

Правда, намъ, можетъ быть, не дожить до полнаго воплощенія въ жизни православнаго русскаго народа вышеизложеннаго „умоначертанія“ величайшаго изъ ктиторовъ Всероссійской церкви. Но если взять во вниманіе рядъ уже устранившихся ходомъ нашей исторической жизни препятствій къ осуществленію на дѣлѣ предначертаній Петра Великаго о приходѣ, то нельзя будетъ не видѣть, что путь, имъ указанный, близится къ концу. Отмѣтимъ, въ общихъ чертахъ, пройденныя стадіи.

1) Первою и сильнѣйшею преградою на этомъ пути было современное Петру настроеніе всего русскаго духовенства, начиная съ личнаго состава Святѣйшаго Сѵнода. Можетъ быть, одинъ Ѳеофанъ Прокоповичъ вполнѣ прямилъ душою Петру Великому, доказательствомъ же того, что главный редакторъ Духовнаго Регламента вполнѣ признавалъ законность ктиторскихъ правъ, въ древнерусскомъ смыслѣ, можетъ служить то, что, будучи псковскимъ архіепископомъ, онъ одинъ изъ всѣхъ и до него, и послѣ него бывшихъ въ Псковѣ архіереевъ, не

оспаривалъ правъ церковныхъ старостъ псковичей, предоставивъ имъ, по старинѣ, вѣдать церковное хозяйство и управлять населенными вотчинами приходскихъ церквей, построенныхъ бывшимъ господиномъ Псковомъ, но при условіи опредѣленнаго ежегоднаго взноса на содержаніе Псковскаго „училищнаго дома“ при архіереѣ. Его уставъ академіи и домовъ училищныхъ, начертанный въ самомъ Духовномъ Регламентѣ, есть совершенная противоположность проектированной русскими византійцами для Московскаго государства академіи и монастырскимъ училищамъ. Вице-президентъ Святѣйшаго Сvнода, Новгородскій архіепископъ Θеодосій, пользовавшійся особенною близостію къ Петру Великому и показывавшій видъ предъ царедворцами готовности на воцареніе въ Россіи даже лютерства или кальвинства, на самомъ дѣлѣ не только былъ преданъ досvнодальнымъ церковнымъ порядкамъ больше прямодушнаго Стефана Яворскаго, но, можетъ быть, и подготовлялъ средства къ возвращенію оныхъ: вскорѣ же послѣ смерти Петра Великаго онъ въ самомъ Сvнодѣ сказалъ: „видите ли, отцы святые, когда началъ духовнымъ штаты опредѣлять и власть ихъ умалять, то и умре вскорѣ, и мы живы, а его нѣтъ“. Слѣдствіе же надъ Θеодосіемъ обнаружило, что, еще при жизни Петра Великаго, этотъ его любимецъ привелъ всѣхъ чиновъ своего тіунскаго правленія (нынѣ консисторія) и всѣхъ властей во всѣхъ монастыряхъ своей Велико-Новгородской епархіи къ присягѣ на вѣрность его, Θеодосіевой, особѣ,—чего никто никогда изъ церковныхъ властей на Руси не дѣлалъ. Присягавшій клялся Θеодосію въ вѣрности, въ покорности, обязывался умножать и охранять всякіе его преосвященства собственные и домовые интересы, и остерегать и защищать и тайность хранить и о противныхъ случаяхъ доносить и пр. и пр. (въ 4-мъ приложеніи къ „Чернецу Θедосу“ напечатанъ полный текстъ этой присяги [1]). Не по разуму угождая Петру, дозволяя въ Александро-Невскомъ монастырѣ ѣсть мясо, вооружаясь противъ употребленія множества свѣчъ въ церквахъ Петербурга и даже пытаясь совсѣмъ уничтожить ихъ возже-

---

[1]) Статья эта, по архивнымъ источникамъ составленная Есиповымъ, напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1862 года № 6, стр. 473—537. Присяга состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ предметовъ: 1-я половина относится до царя, и здѣсь выписано слово въ слово изъ *присяги*, предписанной членамъ Дух. Коллегіи, начиная съ словъ: „Клянусь все-

ніе въ православныхъ храмахъ. Ѳеодосій вызывалъ въ народѣ только чувство недовольства новыми порядками въ церкви съ учрежденіемъ Св. Сvнода и какъ бы подготовлялъ почву къ возвращенію старыхъ порядковъ. И присягавшіе и не присягавшіе Ѳеодосію церковные чины и все приходское духовенство не въ его только епархіи, но и по всей русской землѣ стали бы за старину. Сравнивая умоначертаніе Петра Великаго о приходѣ, изложенное выше по указаннымъ источникамъ, съ распоряженіями Св. Сvнода первыхъ трехъ годовъ, касающимися церковно-приходскаго устройства, нельзя не видѣть глубокой разности между ними. Теперь, послѣ появленія въ печати Описанія дѣлъ Святѣйшаго Сvнода за это время, каждый можетъ провѣрить наши слова, а потому говорить здѣсь объ этомъ считаемъ неумѣстнымъ. Достаточно отмѣтить, что Петру Великому не удалось даже купить дома священнослужителей на церковно-приходскій счетъ и учредить для этого церковныхъ старостъ: приходское духовенство г. Москвы въ своей челобитной царю, переданной въ Святѣйшій Сvнодъ и не возбудившей тамъ никакого дѣлопроизводства, указало на такія громадные для него убытки (200.000 р.) отъ приведенія въ исполненіе предначертанія Петра объ учрежденіи церковныхъ старостъ и отъ устройства для причтовъ церковныхъ квартиръ, что дѣло сразу же стало... (Опис. док. и дѣлъ арх. Св. Сvнода т. III, № $^{255}/_{126}$, стр. 256—258). Въ сельскихъ церквахъ возлѣ Петербурга сразу стали заводиться церковные старосты, но какіе? Священники нанимали изъ церковной казны церковныхъ старостъ и употребляли ихъ, какъ своихъ приказчиковъ, сами вѣдая казну. Изъ вышеизложеннаго можно видѣть, что въ самомъ строѣ цер-

---

могущимъ Богомъ, что хощу и долженъ есмь моему природному и истинному царю и Государю..." до словъ: „исповѣдую же съ клятвою крайняго судію духовныя сія коллегіи быти самого всероссійскаго монарха Государя нашего всемилостивѣйшаго". *Вмѣсто* этого продолженія въ присягѣ прибавлено клятвенное обѣщаніе: „Собственной моей правильной власти великому господину Святѣйш. Правит. Сvнода вице-президенту преосвященному Ѳеодосію, архіепископу Велико-Новгородскому и Великолуцкому и архимандриту Александроневскому во всемъ по должности моей вѣренъ и весьма покоренъ быть и *все до его архіерейской части* принадлежащее... *защищать и тайность хранить буду*, и о *противныхъ* случаяхъ *доносить* и всякіе вреды отвращать". На подлинникѣ, съ котораго напечатана эта присяга, подписи: судіи, 3 дьяковъ, дворецкаго тіуна, чашника и 8-ми разрядныхъ и прочихъ дѣлъ повытчиковъ.

ковно-административной и церковно-приходской жизни существовало при Петрѣ Великомъ столько препятствій къ осуществленію его умоначертанія о приходѣ, что для его воплощенія въ жизни потребуется много времени и много усилій.

2) Когда первые дѣятели въ Св. Сунодѣ отошли въ вѣчность, то для ихъ преемниковъ обнаружилась невозвратность патріаршаго управленія русскою церковію. Когда же вліяніе на дѣла государственнаго управленія нѣмцевъ, думавшихъ, что они создали для Россіи Петра Великаго, сдѣлало то, что завѣты Петра, считаясь священными, постоянно имѣлись на виду у всѣхъ и стали многими пониматься въ смыслѣ не нашемъ, русскомъ, а нѣмецкомъ, то возникли недоразумѣнія, кончившіяся, хотя не скоро, торжествомъ древнерусскихъ началъ. Члены, напр. Св. Сунода, въ своей присягѣ называли царя крайнимъ своимъ судіею, какимъ названіемъ у нихъ, имѣвшихъ предъ своими глазами, при Сунодѣ, тіунскую избу, ихъ мысль возводилась къ представленію о тіунѣ (судія, ключникъ, приказчикъ) древней Руси и находилась въ полномъ согласіи съ представленіемъ о царѣ, высказаннымъ еще Грознымъ, какъ о лицѣ, которому Богъ, имъ же царіе царствуетъ и сильные пишутъ правду, „даетъ въ приказъ" царство. Нѣмцамъ же и русскимъ, сдѣлавшимся учениками нѣмцевъ, казалось, что этотъ крайній судія есть summus episcopus среди членовъ Св. Сунода, т. е. такой же глава церкви русской, какимъ главою состоитъ король напр. Прусскій въ своемъ „обществѣ вѣрующихъ". Русскаго священника, имъ казалось, Петръ Великій имѣлъ въ виду сдѣлать тѣмъ же, чѣмъ у нихъ состоитъ пасторъ, неимѣющій благодати священства; церковная собственность имъ казалась только общественною собственностію и т. п. При такомъ отклоненіи мыслей у государственныхъ людей Россіи отъ истинныхъ предначертаній Петра Великаго не могли не возникать разногласія между ними и членами Св. Сунода въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся православной церкви и церковной собственности, особенно же въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся устройства прихода, гдѣ одни и тѣ же лица составляли и приходъ и волость т. е. и общество съ церковною собственностію, находившеюся въ завѣдываніи епископа, и общество съ волостною или общественною собственностію, находившеюся въ завѣдываніи гражданской власти. Дѣло псковскихъ церковныхъ старостъ, нѣсколько разъ восходившее въ Сенатъ и Сунодъ, не могло быть ими разрѣшено именно потому,

что истинное значеніе исконныхъ правъ псковичей, тогда мѣщанъ псковскихъ, на завѣдываніе вотчинами и крестьянами, принадлежащими церквамъ, разсѣяннымъ по уѣздамъ всей Псковской губерніи, никому ни въ Сенатѣ, ни въ Сѵнодѣ не было извѣстно: для сенаторовъ, какъ видно изъ этого дѣла, была уважительна, напр., давность права псковичей и неуважительны ссылки членовъ Сѵнода на законы, напр., греческаго царя Мануила; для членовъ Св. Сѵнода было не понятно, почему церковные псковскіе старосты имѣютъ право не давать отчета въ церковныхъ доходахъ и расходахъ своему епископу, когда, кромѣ узаконеній царя Мануила, есть еще Духовный Регламентъ, въ силу котораго епископъ обязанъ смотрѣть за церковно-приходскимъ хозяйствомъ и брать на духовныя училища 30-ю долю церковнаго хлѣба съ вотчинъ приходскихъ церквей; когда епископы другихъ епархій пользуются этимъ правомъ и т. п. Разрѣшила этотъ спорный вопросъ сама Императрица, повелѣвъ въ 1733 году, генваря 8-го, выбирать церковныхъ старостъ *не изъ псковичъ* купцовъ и мѣщанъ, унаслѣдовавшихъ свои ктиторскія права надъ уѣздными церквами отъ псковичъ-вѣчевиковъ, а *изъ* мѣстныхъ *прихожанъ* каждой церкви, которымъ и повелѣла считаться, по Духовному Регламенту, на дворѣ архіерея (П. С. З. № 6303). Такое рѣшеніе было вполнѣ законное въ томъ смыслѣ, что господинъ Псковъ, потерявъ свою политическую самостоятельность, потерялъ и свои ктиторскія права, которыя перешли на Самодержца, и Императрица разрѣшила споръ псковскаго магистрата съ псковскимъ архіереемъ не какъ глава церкви русской, не какъ summus episcopus,—чѣмъ представлять ее для русскаго ума и чувства даже неприлично,—а въ качествѣ наслѣдницы ктиторскихъ правъ надъ псковскими церквами, перешедшими, по паденіи Пскова, на великаго князя, Василія III Іоанновича, и на всѣхъ послѣдующихъ преемниковъ его великокняжескаго стола: Василій Іоанновичъ, сдѣлавшись ктиторомъ псковскихъ церквей, позволилъ, въ качествѣ таковаго и въ видѣ милости къ покорившимся безъ кровопролитія, „строить“, вмѣсто его, псковскія церкви и считаться въ „строеніи“ по старинѣ; когда же ихъ „строеніе“ оказалось не полезнымъ для церкви, всероссійскій ктиторъ возложилъ исполненіе своихъ обязанностей и пользованіе своими правами на другихъ лицъ, именно на церковныя общины, сидѣвшія возлѣ этихъ церквей, и на епископа, у котораго новые церковные старосты должны были

считаться вмѣсто воеводы или магистрата, или приказной палаты, у которыхъ считались прежніе старосты. Это былъ первый опытъ освобожденія верховнымъ ктиторомъ приходскихъ сельскихъ церквей изъ-подъ зависимости ихъ отъ *города*. По этому примѣру рѣшенъ былъ вскорѣ споръ изъ-за владѣнія церквами между устюжскимъ епископомъ и устюжанами, а можетъ быть, и другія дѣла по другимъ епархіямъ, но они намъ не извѣстны. Власть *удѣльно-вѣчеваго времени* надъ православными приходами исчезла навсегда съ лица всей русской земли.

3) Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣдовало новое освобожденіе еще большаго числа приходовъ отъ сторонней зависимости. Это было въ 1764 году, когда около милліона крестьянъ, сидѣвшихъ на вотчинныхъ земляхъ архіереевъ, монастырей, соборовъ и церквей, отошли съ землею въ составъ государевыхъ крестьянъ и въ церковно-приходскомъ отношеніи освободились отъ вотчинной зависимости. При этомъ произошло освобожденіе прихода и въ другомъ отношеніи. Съ незапамятныхъ временъ все духовенство, бывшее въ приходахъ, тянувшихъ къ церквамъ царскимъ (кромѣ соборовъ), земскимъ, вотчинниковымъ, помѣщиковымъ, уличанскимъ, въ посадахъ, и волостнымъ, въ уѣздахъ, было тяглымъ своему епископу: дани и разныя пошлины, даже иногда выводная куница, приближали положеніе этого духовенства къ положенію вотчинныхъ и помѣстныхъ крестьянъ, такъ какъ эти дани и пошлины вносились имъ, хотя по числу приходскихъ дворовъ, или душъ, вообще—примѣнительно къ ихъ доходу отъ прихода, но изъ ихъ собственныхъ средствъ, а не изъ церковныхъ суммъ, къ которымъ прихожане не допускали, и не изъ средствъ прихожанъ. Вмѣстѣ съ этимъ и съ прихожанъ съ незапамятныхъ временъ производился сборъ разнаго рода пошлинъ въ казну церковной власти, каковы пошлины вѣнечныя, похоронныя и тому подобныя. Манифестомъ 26 февраля 1764 года и распоряженіями, за нимъ послѣдовавшими, всему этому велѣно не быть. Екатерина Великая, рѣшивъ замѣнить существовавшее до того времени *содержаніе* архіереевъ, монастырей, соборовъ и церквей, получавшееся отъ вотчинъ и жившихъ на нихъ крестьянъ, опредѣленнымъ денежнымъ *жалованьемъ* и уничтоживъ тотъ способъ содержанія церковныхъ властей, епархіальныхъ учрежденій и архіерейскихъ чиновниковъ, который состоялъ въ перечисленныхъ сборахъ съ приходскаго духовенства и народа, подъ условіемъ вознагражденія и за эти дохо-

ды деньгами, получаемыми, по составленному духовною коммиссіею штату, изъ государственнаго казначейства, совершила, въ качествѣ верховнаго ктитора русской церкви, актъ освобожденія приходскаго духовенства отъ тяглой зависимости епископу, а прихожанъ отъ пошлинъ въ пользу церковной власти.

4) Въ началѣ XIX вѣка послѣдовало освобожденіе и остальныхъ приходовъ, состоявшихъ въ зависимости отъ свѣтскихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ. Это великое дѣло совершено было инструкціею церковнымъ старостамъ, Высочайше утвержденною 17 апрѣля 1808 года. Приходовъ, состоявшихъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ или полностію, или отчасти, было къ 1808 году почти на половину въ Россійской имперіи. Иные изъ помѣщиковъ и не принадлежали къ православію — напримѣръ поляки. Хотя бы, впрочемъ, помѣщикъ былъ и православнымъ, но права и положеніе помѣщиковъ были, особенно въ то время, таковы, что права приходской общины, причта, даже архіерея въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ мало имѣли значенія. У иныхъ помѣщиковъ церковно-приходская казна вѣдалась въ ихъ вотчинныхъ конторахъ; штрафы съ крестьянъ у иныхъ вносились въ церковную казну; а еще иные—церковную казну употребляли на устройство пожарныхъ командъ въ вотчинахъ и на другія общественныя нужды и тому подобное. Обо всемъ этомъ можно читать въ журналахъ коммисіи духовныхъ училищъ. Инструкція церковнымъ старостамъ 1808 года положила конецъ подобнымъ порядкамъ въ приходахъ, состоявшихъ изъ крѣпостныхъ. Противъ произвола помѣщика выступили защитниками церковной казны церковный староста и причтъ. Хотя первый былъ изъ крестьянъ же помѣщика и выбираемъ былъ крестьянами же, но онъ въ приходѣ являлся уполномоченнымъ отъ всероссійскаго церковнаго ктитора; помѣщикъ не имѣлъ права, во время исполненія его крестьяниномъ обязанностей церковнаго старосты, назначать его въ свои наряды, а тѣмъ болѣе—смѣнить его, такъ какъ выборъ церковнаго старосты зависѣлъ не отъ него, и еслибы, по вліянію помѣщика, избранъ былъ въ церковные старосты послушное его орудіе, то священникъ могъ не дать на вредный для церкви выборъ своего „согласія". За церковнымъ старостою и священникомъ стояла вся епархіальная администрація съ архіереемъ во главѣ, а на первыхъ порахъ—и губернаторы, къ тому тогда призванные. Хотя помѣщики, особенно юго-западные, не сразу успокоились, и изъ $6^1/_2$ милліоновъ денегъ, бывшихъ въ нали-

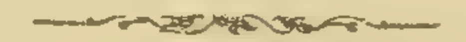
чіи къ 1 января 1807 года въ православныхъ церквахъ Россіи и потребованныхъ въ Святѣйшій Сѵнодъ для выполненія плана Комитета того года, не выслано главнымъ образомъ помѣщиками до $1^1/_2$ милліона; однако къ царствованію Николая Павловича они вполнѣ примирились съ совершившимся фактомъ. Въ виду вышеизложеннаго, инструкція церковнымъ старостамъ 1808 года должна быть поставлена въ ряду историческихъ документовъ, имѣвшихъ первостепенное значеніе.

5) Императоръ Николай Павловичъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ. Когда всѣ приходы были уже освобождены изъ-подъ власти и вліянія города, какъ бывшаго представителя земли и вѣча, вотчинника и помѣщика, Николай I-й положилъ начало возведенія этихъ освобожденныхъ церквей въ положеніе тѣхъ царскихъ церквей, коихъ, по Котошихину, было въ половинѣ XVII вѣка „близко полуторы тысячи", т. е. положилъ начало ассигнованію изъ царской казны содержанія приходскому духовенству. Наконецъ

6) Когда совершился послѣдній актъ освобожденія самодержавіемъ народа (19-го февраля) и исчезли изъ среды прихожанъ несвободные люди, явилась возможность положить начало полной самодѣятельности церковно-приходскихъ общинъ. Признакомъ самостоятельности приходовъ въ до-петровское время считалось право числиться „въ церковныхъ приходахъ и расходахъ по приходамъ", т. е. учитывать церковныхъ старостъ самимъ же прихожанамъ чрезъ выборныхъ счетчиковъ. Можно документальными данными доказать, что, при такомъ порядкѣ „счета", церковная казна наиболѣе полнится и наименѣе таится, но онъ имѣетъ тотъ недостатокъ, что при немъ всегда почти въ долгахъ оказывается больше денегъ, чѣмъ въ наличіи. Недостатокъ этотъ справедливо думали устранить внѣшнимъ, административнымъ контролемъ, но при организованіи какъ вообще хозяйственной части, такъ и контроля надъ церковно-приходскимъ хозяйствомъ въ 1808 году, нельзя было, по указанной выше причинѣ (помѣщичьи приходы), не отвесть господственнаго положенія причту въ распоряженіи церковнымъ хозяйствомъ, а благочинному—въ контролѣ: „согласіе" причта на выборъ того или другаго лица въ церковные старосты прихожанами было въ иныхъ случаяхъ равносильно выбору этого старосты причтомъ, а не прихожанами. Высочайше утвержденная 12 іюня 1890 г. инструкція церковнымъ старостамъ устраняетъ этотъ недостатокъ, такъ какъ, в-

1-хъ, на выборъ прихожанами церковнаго старосты согласія причта не требуется, и онъ всегда можетъ быть выборнымъ отъ однихъ прихожанъ, а не отъ причта, во-2-хъ, отъ прихожанъ выбираются особо два счетчика изъ среды ихъ же для ежемѣсячнаго учета церковнаго старосты и причта, ведущихъ совмѣстно церковное хозяйство, и въ 3-хъ, внѣшній, административный надзоръ остается въ прежной силѣ. Вмѣстѣ съ этимъ Верховный Ктиторъ русской церкви §6-мъ этой инструкціи благоволилъ оказать особое довѣріе Св. Сиподу, предоставивъ его мудрости измѣнять и утвержденныя верховною властію статьи инструкціи, согласно указаніямъ опыта и по вниманію къ благу церкви и государства.

Z.

Дозволено цензурою, С-Петербургъ, 27 Марта. 1891 г.

Типографія Товарищества «Обществ. Польза», Большая Подъяч., 39.

2007041304